

СЕРЕБРЯНЫЙ КОВШ XIV ВЕКА ИЗ АЛЕКСАНДРОПОЛЯ

АЛЕКСАНДР КАКОВКИН (Ленинград)

В 1956 г. в Эрмитаж поступил серебряный сосуд,* не публиковавшийся до сих пор¹.

Он представляет собою (фото 1) тонкостенный кованый круглый ковш с утолщенным краем на плоском дне, с плоской фигурной ручкой (фото 3), крепившейся к ковшу шестью заклепками. Орнаментация исполнена гравировкой.

Внутри, в центре дна, в круглом медальоне (фото 2) представлены два грифона, обращенные друг к другу спинами. Фон медальона заполнен растительным орнаментом, Снаружи, по краю—пояс растительного орнамента на точечном фоне. Ручка сверху сплошь заполнена растительными побегими, фон канфаренный. По наружному краю ручка обведена «рубленным» жгутом, на лицевой стороне закреплено шесть гнезд для камней.

На орнаментальном венце и с наружной стороны ручки сохранились следы позолоты.

Из инвентарных записей явствовало, что памятник происходит из сборов Ж. Мурье (издателя журнала «Le Caucase illustré») в Александрополе (ныне—г. Ленинакан Арм. ССР) Эриванской губернии.

Других данных о ковше нет, поэтому только рассмотрение формы, техники, декора, стиля, иконографии памятника могут прояснить место и время его изготовления.

По форме эрмитажный ковш относится к восточным сосудам, которые Я. И. Смирнов относил «ко времени татарщины»². Среди тех же памятников XIII—XIV вв. находим и аналогию ручке ковша—восьмичастной пелюсти³. Тем же многочисленным изделиям торевтов «времени татарщины» присуща и другая особенность рассматриваемого ков-

* Аргументы, приводимые автором в пользу нехристианского (мусульманского) происхождения ковша, не совсем убедительны. Исходя из этого, редакция нашла необходимым опубликовать настоящую заметку под рубрикой «Обсуждения».

¹ Государственный Эрмитаж, инв. № Ар-741 а, б, в. Выс. 4, 5 см, диам. 16 см. Вес 255, 2 гр. Сохр.: помят, в двух местах трещины, выломан кусок. Ручка отдельно, в двух кусках, не хватает части, нет одного гнезда, остальные помяты, камни утрачены. Передан из Гос. музея этнографии народов СССР в Ленинграде.

² Я. И. Смирнов, Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды, найденной в пределах Российской империи, СПб., 1909, с. 5.

³ Там же, табл. CVI, 233.

ша—его тонкостенность⁴, что в свою очередь вынуждало мастеров врезать линии неглубоко. Огромной группе памятников восточной торевтики присуща и частичная позолота, вроде той, какую мы видим на публикуемой вещи.

Примечательной технической особенностью мастера ковша, гравировавшего изображения, является широкое использование им так называемых ретушных штрихов и углублений-точек от ударов керном. Штрихами он передает фактуру растительных побегов и шерсть гри-

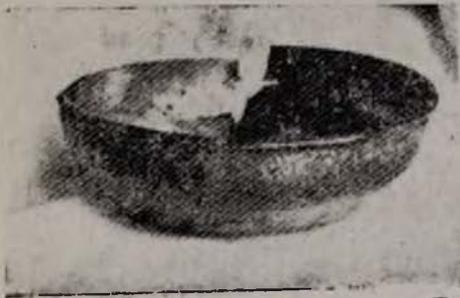

Фото 1. Серебряный ковш XIV в.
(вид сбоку)

Фото 2. Серебряный ковш XIV в.
(вид сверху)

фонов, точками-углублениями отмечает концы соединительных линий, густо рассеивает мелкие точки по фону. Такими приемами широко пользовались восточные мастера с VIII в.⁵ Позднее их применяли создатели группы изделий из серебра (связываемых М. Г. Крамаровским с мастерскими Золотой Орды)⁶, авторы целого ряда серебряных предметов XIII—XIV вв., восточное происхождение которых несомненно, но конкретная локализация затруднена⁷. Эти же приемы использованы в декорировке триптиха «Хотакерац сурб Ншан», выполненного в 1300 г. по заказу сюникского князя Эачи Прошяна⁸.

Убранство интересующего нас сосуда довольно сдержано. Главный декоративный акцент—на донце ковша, где в круге выгравирована геральдическая композиция из двух одноголовых грифонов, стоящих спи-

⁴ Там же, табл. LXV, 112, 110; CI, 220, 221; CII, 222, 223.

⁵ Б. И. Маршак, Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике, М., 1971, рис. 17, 18, 19, 20, 25 и др.

⁶ В. Ф. Генинг, М. Г. Крамаровский, Ивдельская находка, Л., 1973, с. 20—21.

⁷ Я. И. Смирнов, указ. соч., табл. CVII, 252, 253, 254; CXVIII, 297; CXXVIII, 322 и др.

⁸ Գ. Հովսեփյան, Խոտակերաց սուրբ նշան, մի նմուշ ժԳ դարու հայ սովորութեան («Գեղարվեստ», 1911, № 4, էջ 37—44); А. Я. Каковкин, Памятник армянского художественного серебра XIII века (ՀՄՄԶ ԳԱ «Լրարեր հասարակական գիտություններ», 1977, № 9, էջ 76—88)։

нами друг к другу и повернувших назад птичьи головы; между головами соприкасаются крылья, образуя пальмету из трех лепестков. Рисунок отличается четкостью, изысканностью, верностью пропорций (рис. 1).

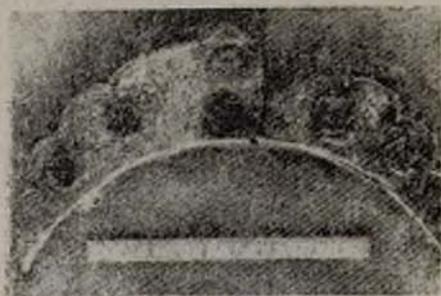

Фото 3. Серебряный ковш XIV в.
(ручка)

Рис. 1. Мишень с изображением
грифонов

Грифон с древности бытует в искусстве народов Востока и Запада. Средневековье также восприняло этот образ⁹. Один из самых популярных мотивов изображения этого фантастического животного—парные грифоны в круге¹⁰—как раз и представлен на эрмитажном ковше.

Рис. 2. Часть орнаментального пояска бордюра

В средние века образ грифона осмыслялся по-разному. Иногда он символизировал Христа, порою олицетворял злые, демонические силы, но чаще всего выступал как верный страж¹¹. Нам кажется, что именно в последнем, охранительном, покровительствующем человеку значении

⁹ Г. А. Пугаченкова, Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии («Советская археология», 1959, № 2, с. 70—84); В. П. Даркевич, Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII века, М., 1975, с. 191—194.

¹⁰ В. П. Даркевич, указ. соч., с. 191—193, рис. 85, 292—296.

¹¹ Н. П. Кондаков, Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры, Прага, 1929, с. 107, 395; L. Réa n, Iconographie de part chrétien, t. I, Paris, 1955, p. 88, 117; Г. К. Вагнер, Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Город Юрьев-Польский, М., 1964, с. 116—120; В. П. Даркевич, указ. соч., с. 191—194.

грифоны представлены на публикуемом памятнике. Подтверждением такого предположения могут служить: геральдичность животных на чаше, репрезентативный характер изображения в целом, наконец, в таком качестве грифоны обычно выступают на бытовых предметах: колтах, наручах, гребнях, шкатулках¹², чашах¹³ и т. п.

По венцу идет поясok растительного орнамента, в котором варьируются причудливые цветы и листья на точечном фоне (рис. 2).

Чисто восточной особенностью следует считать и стремление мастера ковша заполнить как можно плотнее фон изгибающимися и переплетающимися растительными мотивами. В этом эрмитажный ковш близок триптиху «Хотакерац сурб Ншан», но он в своем роде единственный среди дошедших до нас изделий армянских торовтов XIII—XIV вв., и его богатая орнаментика объясняется широким использованием его создателями переднеазиатских мотивов¹⁴. Это обстоятельство, как и широкие восточные параллели, снимает предположение об армянском происхождении ковша из Александрополя. Скорее всего он выгolen в одном из переднеазиатских центров. Относительно времени его изготовления сомнений особых нет—конец XIII—XIV вв.

Если наши выводы верны, то в научный оборот вводится еще один интересный памятник восточного светского серебрodelия, несомненно заслуживающий тщательного исследования.

XIV ԴԱՐԻ ԱՐՄԱԹՅԱ ՇԵՐԵՓ ԱԼԵՔՍԱՆԴՐԱՊՈԼԻՑ

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ԿԱԿՈՎԿԻՆ (ԼԵՆԻՆԳՐԱԴ)

Ա մ փ ո փ ո լ մ

1956 թ. էրմիտաժը ձեռք է բերել մինչ այժմ չհրատարակված արժաթյա շերեփ: Հուշարձանի տեխնիկական առանձնահատկությունները (բարակապատությունը, մասնակի ոսկեզրվածությունը, կանթի ձևը և այլն), պատկերազարկան և ոճական տվյալները (զույգ գրիֆոնները, բուսական զարդանկարները բնույթը և այլն), որոնք մոտ են XIII—XIV դդ. վերջով թվագրվող առաջավորասիական արժաթյա հուշարձանների խմբին, թույլ են տալիս քննվող շերեփը վերագրել այդ շրջանին և այդ ժամանակին:

¹² Г. К. Вагнер, указ. соч., с. 119.

¹³ В качестве примеров возьмем серебряные сосуды—чаши-двойники—вильгортскую и черниговскую (В. П. Даркевич, указ. соч., с. 17, рис. 2, 24, 36; с. 41. рис. 44, 66, 76) чашу из собр. А. П. Базчлевского (там же, с. 63, рис. 85) и ивдельскую (В. Ф. Генинг, М. Г. Крамаровский, указ. соч.).

¹⁴ А. Я. Каковкин, указ. соч., с. 86—87.